

О роли соцсетей – М.С. Гусман на встрече со студентами РАНХиГС

Михаил Гусман ©Сергей Бобылев/ТАСС

Первый заместитель гендиректора ТАСС Михаил Гусман на встрече со студентами факультета журналистики РАНХиГС рассказал о вреде фейковых новостей и роли соцсетей в их распространении.

Мы живем в эпоху социальных сетей. Проблема в том, что мы еще не очень хорошо понимаем, как в этой системе коммуникаций жить. Для нас пока это милая удобная история: списаться, созвониться, что-то узнать. Но, думаю, часто встречается ситуация, когда социальные сети были использованы в самых неблагоприятных делах. Уже даже не волна, а цунами фейковых новостей покрывает земной шар. В самых разных формах, при помощи самых разных технологий. Это страшный бич, поверьте, я нисколько не драматизирую.

Мы находимся под невероятно мощным воздействием фейковых новостей, приходящих к нам прежде всего через социальные сети. Если это обычное хулиганство – полбеда. Кто за этим стоит – не суть важно. Главное, что люди в массе своей, к сожалению,

подсели на эту иглу восприятия новостей.

Скажу печальную вещь: в среднесрочной перспективе неминуемо то, что случится мировая катастрофа, вызванная, спровоцированная социальными сетями, или если говорить шире, интернетом. Уже есть примеры, пока они носят частный, единичный характер.

Опять-таки шум-гам после выборов президента Соединенных Штатов и обвинения России в их вмешательство. Я всегда провожу одну параллель. Когда появились автомобили, у них не было номеров. Их стали воровать, и они появились.

Затем машины стали попадать в аварии, и разработали дорожные знаки. Люди в 1930-е годы века знали, что атомная энергетика – вещь опасная. Но до Хиросимы и Нагасаки не представляли насколько. Только после этого страны заключили всеобъемлющие соглашения о разоружении.

Социальные сети – тихая, малозаметная и в то же время опасная вещь. Потому что неизвестно, кто может ими воспользоваться, дабы «взорвать» то или иное общество. На встречах с моими коллегами постоянно обсуждаем, как бороться с фейковыми новостями. Пока решения нет, и в ближайшее время оно вряд ли появится. На сегодняшний день фильтр – это каждый из вас при восприятии подобных новостей. Потребитель любого продукта становится все более требовательным. Вы выбираете, что едите, во что одеваетесь. Информация – это продукт, созданный людьми, поэтому в его потреблении нужно быть внимательным. Ее нужно проверять. Как говорил Юлиус Фучек: «Люди, будьте бдительны!» Мы уже с головой покрыты волной фейкового цунами.

И здесь нет места легкомысленности, снисходительности, мол, меня-то не проведешь. К сожалению, насколько простирается мой взгляд, я не вижу радикального лекарства от этой фейковой волны. Я уверен, что в ближайшее время на факультетах журналистики появится предмет под названием: «Фейковые новости и борьба с ними».

Сегодня это становится необходимостью.

Информацию надо потреблять с умом

В четверг, 14 февраля, главный редактор газеты «Вечерняя Москва» Александр Куприянов выступил перед руководителями школьных средств массовой информации на традиционном «Клубе учителей».

С появлением технологий мощное развитие получили соцсети. Благодаря им распространение информации приобрело колоссальную скорость.

Теперь любой человек, у которого в руках есть телефон, может мгновенно опубликовать фото, видео и текст. Но далеко не всегда эти сведения достоверны.

Развитие соцсетей породило волну так называемых фейк-ньюс – лживых сведений о событии. К сожалению, не все и не всегда могут отличить правду от клеветы.

– Как только появился интернет, у журналистов, работающих в официальных изданиях, появилось огромное количество конкурентов, – отметил Александр Куприянов. – Конкурентом становится любой человек, который в социальных сетях начинает что-то писать. Но журналист всегда проверяет информацию. Это очень важное отличие официальных СМИ от соцсетей.

Часть выступления главный редактор «Вечерней Москвы» посвятил состоянию и перспективам современной медиаотрасли. Он поделился опытом работы Школы юного корреспондента «Новый фейерверк» нашей редакции.

**ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА**

Книжный парадокс

Юрий Сенчин

То, что профессии «писатель» нет в соответствующем общероссийском классификаторе, стало уже чуть ли не поговоркой, этаким шуткой. Многие тысячи людей еще с советских времен в различных аннотациях, биографических справках именуется «профессиональными писателями», но таковыми на самом деле не являются.

Нет и профессии «литературный работник», а их ежегодно выпускают, например, из Литературного института, Московского государственного института культуры, Екатеринбургского государственного театрального института. Я из их числа, с дипломом, где написано: «Литературный работник по специальности»

«литературное творчество».

Два раза совался со своим дипломом в отделы кадров. Там недоумевали: «Литературное творчество? Нам журналист нужен (во втором случае – редактор), а у вас же, это... Переделкино есть. Вот там и творите».

Понимаю иронию. Действительно, творческая личность частенько витает в облаках, пытаясь создать что-нибудь для вечности – какой из него журналист или редактор. Такому и мешки таскать не доверишь – унесет куда-нибудь не туда. Можно, конечно, спрятать диплом подальше и устроиться не по специальности или же выучиться на кого-нибудь другого. А творчеством заниматься в свободное от зарабатывания на жизнь время. Так живет сегодня абсолютное большинство литераторов в России.

Писатели формально приравнены к филателистам, библиофилам, футболофилам – у всех них есть общественные организации и объединения, их представители находятся в положении чудаков, кому-то из них, правда, может повезти. Роешься в гряде хлама и находишь библиографическую редкость, альбом с уникальными марками, бутсы Льва Яшина... Или же пишешь, пишешь и вдруг получается шедевр – и вот ты знаменитость. Продаешь его – и ты богач. Хотя и на время.

Но находки приходится на одного из миллионов собирателей. Шедевр, который захотели бы купить, создает один из сотен тысяч пишущих. Шедевров априори не может быть много, иначе само понятие обесценится. Но не ими живы литература, или музыка, или изобразительное искусство. Шедевры – самые верхушки айсберга. Без того, что располагается ниже, они не могли бы появиться.

До недавнего времени литература была хотя и не в хорошем, но по крайней мере в удовлетворительном состоянии – этакий больной средней степени тяжести. Впрочем, если посмотреть на историю нашей литературы, ее постоянно лихорадило, у нее случались приступы, она теряла сознание. Но до реанимации,

кажется, не доходило. Сейчас же, по-моему, нужно думать об электрошоковой терапии.

Литература – не только набор писателей, где есть посредственности, одаренные, талантливые и хорошо бы – один гениальный. Это еще и редакторы, корректоры, критики, рецензенты, художники-оформители, литературные журналисты и литературные журналы, издательства, премии.

Да, и премии. Они нужны не столько для поощрения писателей, сколько для привлечения читателей. Премий в России много, но заметные можно пересчитать по пальцам. И их число уменьшается. Недавно «Русский Букер» объявил о своей смерти. До того умирал раза два, но поправлялся. Теперь же, судя по всему, больше не дышит. Радующихся этому, кажется, больше, чем скорбящих.

Радуются в основном те, кто не имел шанса его получить, или не согласные с тем, какие авторы становились финалистами и лауреатами. Да, «Русский Букер» не отличался необъятной широтой. Как не отличались ею «России верные сыны», «Золотой Дельви́г» – тоже в свое время денежные и престижные премии. Теперь все они на кладбище.

Чувствую, что многие читатели этой заметки скажут: но ведь во времена Пушкина или Толстого не было никаких премий, это всё советская практика. Не совсем так: существовали литературные премии и до революции, правда, не в таких количествах. Но и положение писателя было иным. Сегодня ежегодно выходят десятки замечательных произведений прозы. Замеченными становятся единицы. В основном благодаря премиям, иногда – вниманию к той или иной вещи более или менее читаемого литературного журналиста.

Просто публикация в журнале или книжное издание не имеют почти никакого значения – все больше примеров того, когда рукопись, выложенная автором в интернет, становится бестселлером. Можно сказать: отлично, вот она свобода, равные возможности. Но ведь

эти бестселлеры, как правило, полуфабрикаты. Автор, каким бы талантливым и грамотным он ни был, нуждается в редакторе. Мы перестаем быть строгими к грамматическим ошибкам, стилистическим ляпам: мол, не это самое важное, это мелочи. И не замечаем, как портится наш вкус.

До недавнего времени образцом вкуса был институт толстых литературных журналов. Теперь этот образец разрушен. Журналы долго взывали о помощи, говорили, что умирают. И вот действительно наступил мор – перестал выходить один, другой, третий. Почти все остальные тяжело больны – коллективы крошечные, лучшие сотрудники или ушли туда, где хотя бы что-то платят, или служат за идею, которая вот-вот рассыплется окончательно.

Журналам предлагают зарабатывать самим. Как во времена Некрасова и Краевского. Но это утопия. Популярные авторы давно забыли про журналы, так как публикации в них тут же становятся доступны на специализированных сайтах. Зачем успешному писателю бесплатно раздавать плоды своего труда?

Еще лет пять назад журналы платили относительно неплохие гонорары, на которые можно было купить еды на пару недель. Теперь или не платят вовсе, или в буквальном смысле дают копейки. Я сам автор толстых журналов, почти все мной опубликованное можно найти в интернете. Но мысль закрыть эти публикации не посещает. Тем более что и издательства нынче выставляют часть текста для «бесплатного ознакомления». Если речь не о детективе, то читателю этого, как правило, вполне достаточно. Тем более что продолжение легко найти у пиратов.

С одной стороны, я рад, что меня публикуют и издают, но ощущаю некий парадокс – литературный работник создает тексты, их признают пригодными и выпускают в свет, но за них не платят или платят гроши. Это, по сути, товар, но его можно приобрести бесплатно. И как быть производителю?

Таким же вопросом, знаю, задаются музыканты, живописцы. Но у

них есть концерты, выставки. Может, и прозаикам стоит активней идти в массы. Бунин, говорят, в эмиграции неплохо зарабатывал, читая вслух свои рассказы. Хотя после этих чтений очень ругался и долго не мог писать...

*Роман Сенчин,
писатель*

ИЗВЕСТИЯ

Матрицы победы

Ленинград во время Великой Отечественной, мужество его жителей в трагических условиях блокады, героизм защитников города – эта тема была одной из самых важных для «Известий» военных лет. В первый же день войны главный редактор газеты Лев Ровинский собрал в редакции весь спецкоровский корпус и раздал долгосрочные боевые задания. На северо-западное направление были брошены Евгений Кригер, Петр Белявский, Валентин Антонов, фотокорреспондент Павел Трошкин.

Оперативные сводки с театра военных действий «Известия», как и другие печатные издания и радио, получали от Совинформбюро. Более подробные и живые репортажи и очерки о боях на Ленинградском и Волховском фронтах известинцы «выстреливали» регулярно. Но жизнь блокадного Ленинграда освещалась скупо.

Однако газета в тяжелые для города годы и месяцы блокады видела свое назначение в том, чтобы поддерживать моральный дух

ленинградцев, когда доброе и твердое слово порой оставалось чуть ли ни единственной точкой опоры в жизни (матрицы газеты каким-то чудом доставлялись из Москвы).

На помощь «Известиям» пришли профессиональные литераторы, одним из первых – знаменитый поэт Николай Тихонов, возглавлявший группу писателей при Политуправлении Ленинградского фронта, сам в эти годы переживший тяготы блокадного быта.

5 ноября 1942 года, накануне 25-летней годовщины Октября «Известия» напечатали публицистический очерк Николая Тихонова «Бессмертие». О победе тогда грезилось только в самых смелых мечтах. А он пришел на площадь Победы в Ленинграде и напомнил читателям, что стоит на ней «колонна, вырубленная из скалы, монолитна, как и событие, которому посвящена. А посвящена она победе русского народа над полчищами Наполеона в Отечественную войну 1812 года». Поэт закончил свое дерзкое прозрение в будущее оптимистическим аккордом: «В непрерывных боях добытые, вернутся радостные дни, выше поднимутся знамена свободы. Тому порукой – сила народа...»

За три дня до Тихонова, словно готовя постамент для его «монумента», еще один писатель-ленинградец Виссарион Саянов выступил в газете с очерком «Такая храбрость» – о подвигах наших артиллеристов, крушивших фашистов на одном из участков Ленинградского фронта.

Через два с половиной месяца на известинской полосе воссоединились, как в войсковой операции, солдаты двух фронтов, три автора: майор С. Фарфель и капитан Н. Франтишев – с Ленинградского, военкор М. Ланской – с Волховского. В трех репортажах – «Первый удар», «Атака» и «Дорога на Ленинград» – они по-военному четко рассказали, как наконец было разорвано блокадное кольцо. По отвоеванному у немцев коридору в 8–11 км вдоль побережья Ладожского озера были налажено сухопутное движение машин и поездов, параллельно знаменитой ледовой Дороге жизни появилась Дорога победы – еще одна

животворная артерия для осажденного города.

До полного снятия блокады оставался еще год. Голод и холод продолжали преследовать блокадников, среди них – двух женщин. Первая – знаменитая поэтесса Ольга Берггольц, «голос Ленинграда», как называли ее радиослушатели, перед которыми она регулярно выступала. Вторая – скромная сотрудница местного отделения издательства «Известия» Ольга Кушницкая.

Она пришла в издательство в 1921 году. По воспоминаниям, собранным известинцем-ветераном Дмитрием Мамлеевым в книге «Далекое-близкое эхо», «тетя Оля», как звали ее сотрудники, а потом и журналисты газеты, оказалась незаменимым человеком: в одном лице – кассир, уборщица и курьер. Помнила приезды в ленинградское отделение «Известий» редактора газеты Николая Бухарина, визиты Алексея Толстого. В годы блокады ездила за материалами к Николаю Тихонову и драматургу Всеволоду Вишневскому. А главное – когда городской транспорт был парализован, в морозы возила на санках матрицы «Известий» в типографию.

Возможно, две Ольги даже встречались на улицах полупустынного города, когда Берггольц бежала на радио. И наверняка сталкивались с жуткой деталью блокадного Ленинграда, о которой Ольга Берггольц писала в потаенном дневнике: «Тот, кто мог тогда перешагнуть / Через гроб, – на жизнь имеет право». Именно так: встречавшиеся им полуживые люди везли на санках тела умерших родственников, а «тетя Оля» – матрицы.

21 февраля 1944 года «Известия» опубликовали «Призывы ЦК ВКП(б) к 26-й годовщине Красной армии». И хотя почти месяц назад над Невой уже прогремел победный салют значение минувшего события было специально подчеркнуто: «Привет войскам

Ленинградского фронта, отстоявшим Ленинград и полностью освободившим его от вражеской блокады!»

*Ведущий Исторического клуба «Известий»
Станислав Сергеев*

ИЗВЕСТИЯ

Известинский прорыв Льва Толкунова

Лев Николаевич Толкунов.

Сегодня исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося журналиста Льва Николаевича Толкунова. «Дважды главный» – так называлась книга воспоминаний об этом уникальном человеке, который в 1965–1976 и 1983–1984 годах руководил «Известиями».

В его жизни было несколько знаковых периодов. Четыре года

Великой Отечественной войны, военкор «Правды» (орден Красной Звезды, тяжелое ранение в Восточной Пруссии). Работа в аппарате ЦК КПСС. Высокие государственные и партийные должности. Дважды партия бросала Толкунова в известинский прорыв – спасти газету. И именно 11 с половиной известинских лет Лев Николаевич считал главными и самыми счастливыми в своей творческой жизни.

Лев Толкунов пришел в нашу редакцию в непростое для нее время. За год до этого в октябре 1964 года был снят с поста генсек ЦК КПСС Никита Хрущев, заодно автоматом от должности главного редактора «Известий» освобожден Алексей Аджубей, зять главного человека в государстве, успевший к тому времени преобразовать вторую газету страны и фактически реформировавший всю советскую печать. Известинцы, при нем почувствовавшие вкус относительной свободы, с настороженностью встретили весть о назначении нового главного – предчувствовали кадровую чистку и возвращение газеты в строй послушных СМИ.

Хорошо помню первую встречу Льва Николаевича с коллективом редакции. Он вошел в конференц-зал быстрым шагом, слегка прихрамывая. Окинул собравшихся внимательным и приветливым взглядом. После того как его представили, сказал несколько слов о себе. Коротко перечислил задачи, которые стоят перед «Известиями», и закончил без пафоса: «Будем делать хорошую газету».

Прошедший по ступеням партийного воспитания (до войны – Всесоюзный институт журналистики, после – Высшая партийная школа при ЦК КПСС), Лев Толкунов тем не менее не вписывался в классический портрет представителя тогдашней партийной элиты, чей дремучий догматизм стал одной из причин распада СССР.

Возглавив «Известия», Толкунов видел своей главной задачей не только возрождение прежней славы газеты, но и новый качественный рывок издания. Он верил, что талантливый коллектив, им сохраненный и усиленный свежими журналистскими силами, успешно справится с этой задачей. Коллектив ответил

ему взаимной верой. Газета ожила. После года затишья в ней вновь появились интересные, острые, сенсационные материалы, громкие очерки и фельетоны, яркая публицистика.

Лев Николаевич ценил нелегкий журналистский труд, поддерживал творческую инициативу и индивидуальность. Одновременно был требователен к сотрудникам, считая, что журналист должен отвечать за каждое печатное слово. Но когда был уверен в правоте журналиста, отстаивал и защищал его от критики, которая порой обрушивалась из самых высоких инстанций. Умел держать удар.

Конечно, успеху газеты помогали личные качества главного редактора – равнодушное отношение к людям и к делу, редкая работоспособность, богатый жизненный и профессиональный опыт.

Я пришел в «Известия» в 1951 году, за 45 лет поработал при восьми главных редакторах газеты. Как бывший рядом с Львом Николаевичем все его известинские годы, свидетельствую: он был самым жизнеустойчивым на капитанском мостике «Известий».

Размышляя о профессиональных предпочтениях Толкунова, думаю, что в глубине души он ощущал себя журналистом-международником. Всё, что было связано с внешней политикой и международной проблематикой, его интересовало глубоко, не по-любительски. Он и в «Известия» пришел из международного отдела ЦК партии, впоследствии написав и защитив докторскую диссертацию по соответствующей тематике. Мне это его пристрастие было особенно понятно.

Мужество и гибкость Толкунова с особой очевидностью проявились в августе 1968 года, когда в разгар «пражской весны» советские войска вошли в Чехословакию. Освещать эту операцию на страницах газеты было поручено собкору в Праге и командированному из редакции спецкору. Им надлежало писать, как радушно, хлебом-солью народ Чехословакии встретил вторгшиеся на его территорию войска «старшего брата». Они отказались писать неправду. От Толкунова требовали расправы

над строптивыми журналистами.

Нелегко было Льву Николаевичу принимать решение. Он, обсуждая с коллегами в редакции острую ситуацию, размышлял вслух: «События настолько неординарны, что можно понять человека, который не смог преодолеть возникший внутри себя психологический криз. Не ломать же ему судьбу».

Толкунов защитил честных журналистов, не дал расправиться с ними, спустил ситуацию на тормозах, дал возможность «провинившимся» найти новую работу. Они ушли в политико-экономическую науку и впоследствии состоялись как отличные научные работники.

По свидетельству близких, Лев Николаевич всю жизнь увлекался спортом – ходил на лыжах, играл в волейбол, делал зарядку, даже занимался йогой. Кстати, упомянутая хромота – следствие травмы, полученной Толкуновым еще до войны в детском возрасте на футбольном поле. Так вот, у него как спортсмена-любителя была быстрая реакция на самые неожиданные ситуации.

В доказательство – занятный факт из его известинской практики. Однажды в разгар работы над номером в его кабинет без уведомления прорвался посетитель, который потребовал срочно заняться его делом. Главный попросил его зайти позднее. Тот вдруг встает в позу «ширшасана» (стойка на голове) и заявляет, что будет так стоять, пока его не выслушают. И тут Лев Николаевич делает такую же стойку, только не на полу, а на письменном столе, предупредив гостя, что будет стоять, пока тот не покинет кабинет. Хитроумный посетитель настолько был ошарашен, что вылетел из кабинета с криком: «Такого в жизни еще не видел».

Хочется отметить еще одно качество Льва Николаевича – удивительную скромность. В разные годы он был удостоен многих государственных наград. Но мы в редакции никогда не видели его при орденах. Главным для него всегда была верность делу, где бы он ни работал. Факты из жизни Толкунова свидетельствуют:

наибольший успех сопровождал его именно в годы, когда он был главным редактором «Известий».

ИЗВЕСТИЯ

Леонид Камынин,

журналист-международник, сотрудник «Известий» с 1951 по 1995 год

У журналистики есть важная МИССИЯ

Иван Шубин руководитель департамента СМИ и рекламы г. Москвы

О событиях сегодняшнего дня мы узнаем благодаря СМИ. Добыть информацию, проверить её и донести до читателя – за этим стоит труд отдельного журналиста.

И труд этот весьма нелегкий. Когда начинающий поэт и переводчик, москвич Илья Эренбург с началом Первой Мировой войны устроился парижским корреспондентом «Биржевых

ведомостей», он вспоминал, как новое ремесло оказалось для него сложнее литературного сочинительства. Как хроникёр театра военных действий он должен был постоянно сверять факты из разных источников, идти на компромиссы с редакцией, которая порой нещадно правила его прифронтовые сводки, но усвоенные им профессиональные стандарты позволили ему в конечном итоге завоевать имя и успех у читателей. Говорить правду, нести ответственность за каждое слово, и в конечном итоге, служить делу мира стало миссией журналиста и писателя.

В век интернета напечатанное слово приобретает особый вес и значение. В насыщенной информационной среде внимание читательской аудитории достичь стало тяжелее, чем ещё лет 10 назад, поэтому редакции, которые готовят новости в самых разных форматах, сопровождая их не только эксклюзивными фото, но и видео, все время работают над тем, чтобы соответствовать высокой планке заслуживающего доверия источника информации.

Картину дня определяют не только официальные спикеры, но и собственные расследования и очерки журналистов на злобу дня. Разнообразно, интересно, информативно – за такой контент платит потребитель сегодняшней информации.

Качество предполагает и достоверность информации. После обвинений ряда соцсетей в распространении фейковых новостей роль газет и журналов во всем мире стала только возрастать.

«Нас выбирают, поскольку мы проверяем факты» – таков лозунг изданий во многих странах. Не исключение и московские газеты. Сегодня журналисты учатся работать с большими объемами информации, вычленять из них главное, имея в виду основную цель – достоверность. Порой это требует определенного терпения, но журналистское усердие в итоге вознаграждается цитируемостью и профессиональным признанием.

В День российской печати хочу пожелать всему журналистскому цеху больших творческих успехов, более пухлых номеров, новых форматов, стабильности и благополучия!

Исповедь заслуженного журналиста Виталия Игнатенко

Народный артист России, заслуженный мастер спорта, заслуженный учитель Российской Федерации...

Теперь в этом списке «получивших дворянство» профессий есть и наше, журналистское ремесло.

Владимир Путин подписал указ о первых обладателях нового почетного звания «Заслуженный журналист России».

Как и в случае с абсолютным большинством других президентских указов, это нововведение обречено вызвать диаметрально противоположную реакцию в обществе. Кто-то, как я, искренне обрадуется: мол, давно надо было найти красивый способ выразить «респект и уважение» ветеранам и легендам отечественной журналистики. Кто-то обязательно отреагирует отрицательно: мол, сильно упавший в последние годы престиж журналистской профессии невозможно приподнять обратно даже путинским указом.

Какая из этих точек зрения справедлива? Вот мнение на этот счет одного из обладателей нового почетного звания, легенды российской журналистики, бывшего генерального директора ТАСС и вице-премьера РФ Виталия Игнатенко.

– Виталий Никитич, можно ли стать заслуженным журналистом, не обладая чувством юмора?

– Невозможно. Коллега, который сам к себе обращается «на вы», долго в профессии не продержится. Отсутствие чувства юмора и журналистика – это просто несовместимо. Журналист без чувства юмора – диагноз! Я иногда встречаю молодого журналиста, который еще мало что сделал в профессии, но которому кто-то сказал, что он все в профессии преодолел. И он уже ходит кум королю! В нашем деле важно помнить слова Шекспира: «Вернейшая порука мастерства – не признавать свое же совершенство».

– А каким был самый смешной эпизод в карьере заслуженного журналиста Виталия Игнатенко?

– У меня таких эпизодов было очень много! Однажды, например, мы с моим другом Олегом Константиновичем Игнатьевым из «Правды» целый месяц были в командировке в партизанском отряде в африканской стране Гвинее-Бисау. За сорок дней нам надо было пройти пешком из одной страны в другую. Из Гвинеи – в Сенегал. Жара необыкновенная. Шли мы только ночью. Забрели в одно селение. И вдруг я вижу: выходит очень африканский мужик, одетый в пальто фабрики «Большевичка». Я тогда за километр чуял эти новаторские изделия нашей легкой промышленности. Выходило, что наша страна оказала гуманитарную помощь Гвинее-Бисау, отправив тысячи пальто фабрики «Большевичка». То ли адрес перепутали, то ли с географией были проблемы... И когда партизанский отряд получил эти пальто – огромные, драповые, – то, наверное, решили: это только для очень важных персон! Так мы познакомились с местным старостой. И в других городах и селениях всегда по пальто определяли руководство и воевод...

– А каков ваш любимый анекдот про журналистику?

– В загородной резиденции президента США Кэмп-Дэвиде Никита Сергеевич Хрущев и Джон Кеннеди решили пробежать 100 метров – кто быстрее. Ясно было, что более молодой президент США выиграл, но по итогам этой гонки ТАСС сообщил: «Н.С.Хрущев занял в забеге второе место, а Кеннеди пришел к финишу предпоследним...»

– А случилось ли что-то близкое к этому анекдоту за время вашей карьеры в том же ТАСС?

– Случалось, и в большом количестве. Но чаще всего это была не журналистика, а политические решения, оформленные под заметки. Их присылали в специальных конвертах. Был, к примеру, случай, когда у нас иностранный космонавт улетел в космос с одной фамилией, а вернулся с другой!

Были и трагикомические случаи, которые по тем временам оценивались чуть ли не как вредительство. В ТАСС делали подборку «Вести с полей». Что-то передавали собкоры, что-то – внештатные коллеги. Одна заметка из Сибири называлась «Концерт на полевом стане». В ней красочно излагалось, как такой-то местный артист читал басни, другой глотал шпаги, третья верхом на осле исполняла песни народов Кавказа... Все было бы ничего, если бы не оказалось, что наш внештатник «творческую бригаду» составил из фамилий руководителей области. Получилось, что басни читал секретарь обкома по сельскому хозяйству, в роли шпагоглотателя выступил председатель облисполкома, а на ослике выезжала секретарь обкома по идеологии. Скандал был сказочный...

Но это примеры достаточно безобидные. А были гораздо серьезнее. Когда в 1983 году советские ВВС сбили залетевший на нашу территорию южнокорейский пассажирский «Боинг», сообщение наших СМИ гласило: «Корейский самолет ушел в сторону моря».

Еще мне очень запомнились события времен «культурной революции» в Китае в 60–70-х годах. Отношения между Москвой и Пекином были тогда очень плохими. И в нашей стране были

«специалисты», которые писали очень оскорбительные вещи про Китай и китайский народ. Было очень важно не выпускать такие поделки, бороться с ними, отстаивать свою позицию. Иногда это у нас получалось.

– А сейчас получается? Какова степень ответственности нашей и западной журналистики за возникновение явления, которое мы за неимением лучшего термина называем новой «холодной войной»?

– При Михаиле Сергеевиче Горбачеве на Западе нашу страну было модно хвалить. По всем позициям. Порой хвалили на будущее... Сейчас на Западе нашу страну очень модно ругать – в большинстве случаев незаслуженно. В современную западную журналистику привнесено много какой-то личной неприязни к нашей стране. Западные коллеги не знают сути нашего национального характера, не очень понимают, что на самом деле происходит в России. Не пытаются серьезно анализировать события, не допускают иного мнения. Все это выливается в тиражирование оскорбительных для нас публикаций, сюжетов.

Мы себе такого не позволяем. В нашей журналистике есть чувство незлобивости по отношению к другим странам.

Еще одно наблюдение. Россию пытаются вообще выпроводить из информационного пространства некоторых западных стран. Будто нас нет...

А если нашей стране что-то и посвящается, то, как правило, нечто критическое, вздорное, случайное. Вот недавно мы с моим другом, прекрасным журналистом и редактором Виктором Лошаком, по линии российско-германского форума «Петербургский диалог» были приглашены на редакционную планерку в редакцию «Берлинер Моргенпост». Коллеги нас замечательно приняли, откровенно говорили на все профессиональные темы... И вот планерка, куда нас пригласили. Обсуждали очередной номер. У всех сотрудников предложения, обсуждение важнейших событий в Германии и мире. Возник под конец сюжет о России.

Что бы вы думали? Допинг, легкая атлетика! Других событий как

бы и нет. И это в газете, которая хорошо к нам относится, выпускает в виде вкладки общее российско-германское издание...

– Не слишком ли одностороннюю картину вы нарисовали? Как правило, в конфликте чаще всего виноваты обе стороны, разве не так?

– А я и не снимаю с нас свою долю ответственности. Наша проблема в том, что мы очень обидчивые. Мы как-то болезненно воспринимаем любое слово, направленное против нас. Но ведь иногда на такую лексику можно просто не обращать внимания! Ну и пусть себе говорят, дай бог им здоровья! Обидно, конечно, когда наши действия неправильно воспринимают, когда наши шаги априори считают неверными... Но с этим можно и нужно жить.

Совершенно необязательно, на мой взгляд, всегда нравиться соседу соседу! Мы любим, чтобы нашу страну обязательно хвалили. Мы убеждены, что мы всегда во всем правы. Если нас воспринимают не так, то мы считаем, что это результат деятельности вражеской пропаганды. Усилия толпы злодеев, которые хотят затолкать нас в историческое небытие. Нам не помешают выдержка и спокойствие, к примеру, как у друзей: КНР на Западе критикуют не менее часто и не менее остро, чем Россию. Но они к этому относятся без истерики, хладнокровно, философски.

– Может быть, в отличие от китайцев у нас просто недостаточно уверенности в себе?

– Да нет, с уверенностью в себе у нас как раз все в порядке. Мы даже более чем уверены в себе. У нас очень высокая самооценка. Мы всегда себе выставляем пять с плюсом. Но вот всегда ли эти пять с плюсом оправданны? Нам надо более реалистично относиться к себе: мол, вот здесь мы действительно абсолютно правы, а вот здесь мы погорячились, накосячили. Притом не страна, не все мы, а кто-то конкретный.

– А вот мне, наоборот, кажется, что наша главная проблема в том, что мы чересчур любим себя ругать и считать, что мы везде

провалились .

– Это тоже такая традиционная русская забава. Мы очень любим себя корить. И у нас, и у всего остального мира есть одни и те же болезни, общие сложности. Нельзя самим себе ставить диагноз неизлечимости и нереформируемости... Раньше у нас «советский больной – самый здоровый больной в мире», теперь наоборот...

– То есть наша проблема в том, что у нас одновременно и комплекс сверхполноценности, и комплекс неполноценности?

– Тут ничего быстро не исправишь: сколько лет это продолжается! Сразу мы это не переделаем. Но изменяться надо. Нам надо жить своей, достойной, умной и сильной жизнью, поменьше обращать внимания на то, что о нас говорят, даже если это говорят вчерашние или позавчерашние друзья. Надо, на мой взгляд, не забывать, что друзей мы выбираем себе сами, а лучших оставляет время. Этому мы и должны следовать. Как говорили классики, у страны не бывает вечных друзей и вечных врагов – только вечные интересы.

– А вы не видите иронии в том, что звание «Заслуженный журналист России» появляется как раз в момент, когда репутация журналистики как профессии ушла ниже плинтуса?

– Да, с этим делом запоздали, но иронии не вижу. Есть стремление Президента России и профессионального сообщества возродить высокое звание журналиста, напомнить о значимости этой профессии, ее важности для общества, для страны. Ведь журналистика – одна из важных составляющих, которые должны двигать страну вперед.

– Может двигать или двигает?

– Двигает, но с пониженным коэффициентом полезного действия. Нам надо добиться более высокого КПД российской журналистики! Надо избавить журналистику от влияния сиюминутных устремлений различных политических сил. Журналистика – это не «приводной ремень», а совершенно самобытная и самостоятельная отрасль

общественного дела. Очень близкая связь с властью многих журналистских коллективов – особенно это видно в регионах – сильно понижает КПД нашей профессии. Надо разорвать каким-то образом эти путы, немного отдалиться, посмотреть на то, что происходит со стороны. Если этот взгляд со стороны будет очень заинтересованным, профессиональным, конструктивным, сопереживающим, то тогда российская журналистика обязательно «пересядет с паровоза на электровоз».

– Красивая картина. Но не является ли она иллюзией? Ведь все упирается в деньги.

– Это проблема из проблем. Никуда не денешься от старой мудрости: кто заказывает музыку, тот и управляет процессом. Нам надо сильно задуматься о том, как нам стоит действовать. Наш Закон о печати – самый прогрессивный в Европе. Там все написано и сказано: учредитель или хозяин СМИ не должен вмешиваться в редакционную политику, водить пером журналиста. Но многие этого, к сожалению, не выполняют. Как только ты оказываешься за пределами Москвы (и еще нескольких крупных городов), где есть приличное количество свободных и серьезных СМИ, тебе сразу говорят: вот это СМИ губернаторское, а вот орган такого-то олигарха! Я не знаю, какая несвобода лучше: от губернатора или от олигарха. Не уверен, что между ними есть реальная разница. И то, и другое плохо, обесценивает журналистику.

– Может быть, закон о печати не работает в современной России в силу своей заведомой нереалистичности? Разве это нормально, когда ты чем-то владеешь, но не можешь этим чем-то распорядиться?

– Чтобы понять, что на самом деле это нормально, нужна другая психология. И у журналиста должна быть другая психология, и у владельца СМИ. Владелец газеты должен, как и журналист, быть заинтересован в результате журналистского труда – в том, чтобы приносить пользу обществу, бороться со всяким злом в стране, чтобы двигать государство вперед через буераки и ухабы.

– Не слишком ли идеалистично? Ведь в реальности СМИ используются для получения политического влияния.

– В том, что СМИ борются за политическое влияние, нет ничего плохого. В нашем обществе средства массовой информации занимают именно политическую нишу, а не какую-нибудь другую. Важно, ради чего тебе нужно политическое влияние, как ты собираешься его использовать. Можно использовать его во вред: подменять значение фактов и завертывать любое событие в словесную обертку из нужной тебе пропагандистской установки. А можно использовать его во благо: быть профессионалами и честно делать свою работу. Вот так может твориться хорошая дорога к успеху!

– А вы можете привести конкретный пример такой «хорошей дороги к успеху»?

– Могу, причем сразу и не задумываясь: Молодежная редакция того, советского Центрального телевидения, и прежде всего «Взгляд». Какие имена: Анатолий Лысенко, Эдуард Сагалаев, Александр Любимов, Константин Эрнст... Все они потом приняли на себя ответственность создать и возглавить новое телевидение России. Не случайно, что Лысенко и Сагалаев – в первом указе президента о высоком журналистском звании. Прибавьте к этой плеяде выдающегося профи телевидения Олега Добродева, Владислава Фролина из «Российской газеты», Владимира Сунгоркина, вашего главного редактора Павла Гусева... Все они выросли в нашей стране и наших глазах в организаторов СМИ мирового класса.

Чуть раньше вы меня спросили: когда общий уровень отечественной журналистики был выше – сейчас или сорок лет назад? Для меня этот вопрос равнозначен другому: когда нам лучше жилось – тогда или сейчас? Тогда мы были молодые и не только «чушь прекрасную несли». Что-то удавалось делать как у взрослых. Особенно в молодежной печати, в «Комсомольской правде» в первую очередь. Были публикации, которые обсуждали в руководстве страны. Принимались серьезные решения. Правда, и

журналистам за эти статьи доставалось. Но сегодня той нашей романтикой в профессии уже не обойтись. Нужно что-то новое. И нынешние молодые поколения журналистов должны это «что-то новое» создать.

Конечно, этим нынешним молодым поколениям трудно. Но совсем легко не будет никогда. У каждого времени есть свои очень высокие достижения и низкие провалы. Я уже приводил примеры того, как в условиях тогдашних абсурдных политических ограничений нам приходилось работать. Но вспомните, с каким нетерпением все ждали новых статей Александра Бовина, Станислава Кондрашова, Всеволода Овчинникова... Настоящий профессионал найдет способ остаться профессионалом в любой ситуации. Главное – желание оставаться порядочным человеком. Честь дороже.

The logo consists of the letters 'MKRU' in a stylized, outlined font. The 'M' and 'K' are white with black outlines, while the 'R' and 'U' are filled with blue and red respectively, also with black outlines.

Михаил Ростовский

**Печатные СМИ переживают
возрождение**

По общему мнению делегатов прошедшего 25 декабря 2018 года очередной VIII Съезда Союза журналистов Москвы, рынок печатных СМИ несмотря на кризис начинает возрождаться

Вот некоторые мнения:

Сергей Агафонов, Главный редактор журнала «Огонек»

У меня нет сомнений в том, что печатные СМИ никогда не умирали и не умрут. Говорят, что их убьет интернет. Этой электронной опцией пользуется определенная, достаточно молодая часть аудитории. Если печатные СМИ не хотят потерять читателя, они должны развивать и этот сегмент рынка. Нужно помнить, что страна у нас большая, так что интернет нас не съест. Печатным СМИ нужно думать, как не отстать от телевизора и интернета, и давать людям то, что могут только они – какие-то взвешенные аналитические материалы, эксклюзивы.

Владимир Сунгоркин, Главный редактор газеты «Комсомольская Правда»

Мир печатных изданий велик. У тех, кто получает государственное финансирование, все в порядке. У тех, кто не является государственным СМИ, все плохо. Если говорить о причинах этого явления, то произошло огосударствление СМИ,

вследствие чего разрушился рынок. Что касается перспектив, то я не представляю, что негосударственную печатную прессу ждет что-то большое и хорошее. Для интернет-СМИ картина несколько иная. Туда государство еще не сильно проникло, так что там пока свободнее, есть рынок и реклама.

Людмила Щербина, Первый секретарь Союза журналистов Москвы

С одной стороны, у печатных СМИ положение серьезное, если не печальное. Многие из них стали государственными. За минувшие пять лет, увы, закрылась масса изданий. Сильный удар был нанесен качественному сегменту – детской, экологической прессе, познавательной. Сегодня до 90 процентов рынка – это развлекательное чтение. Таких серьезных изданий, как «Коммерсант», «Российская газета», «Московский Комсомолец» и «Вечерняя Москва» – ограниченное количество. Многие редакции могли бы сами зарабатывать деньги на рекламе, но им этот канал перекрывают. Поэтому зарплата сотрудников падает. Не лучшим образом сказывается и рост арендной платы. Страшное положение с бумагой, поскольку целлюлозная промышленность в руках иностранцев. С другой стороны, открываются новые издания, которые выходят на бумаге, и до умирания печатных СМИ, о котором так много говорят, пока еще далеко. Крупные западные СМИ продолжают получать доходы именно с печатной версии и не собираются их сворачивать.

